Рассказ

СОБАКИ

Поезд прибыл на станцию назначения ближе к вечеру. Дернулся, лязгнул буферами и остановился. Тут же до нас донеслись чьи-то громкие голоса. Там была жизнь - чужая, тревожная. Хотелось выглянуть наружу, да жалюзи, что были на окнах вагонзака, мешали. Кто-то бегал вдоль путей; яростно, с каким-то диким подвизгом лаяли псы. Мне даже показалось, что я слышу их частое дыхание - страшное, злобное, - вижу, как с их огромных желтых клыков срываются мелкие брызги и ядовито разлетаются по сторонам. Внутри у меня похолодело: то были конвойные собаки, которые, как и их проводники, изрядно поустали в ожидании этапа, и сейчас, с приходом поезда, вдруг встрепенулись и ощетинились. Принялись за работу.

В вагоне тишина. Тревожно ждем, когда нас станут выгонять на мороз. Что там? Как там? Хотя кое-какое представление о том, куда нас привезли, мы уже имеем - спасибо бывалым. Ничего, говорили они, место сносное - жить можно. Зона в пяти километрах от станции, вокруг тайга, воздух чистый, как слеза ребенка. Короче, подавиться можно от такого счастья.

Раздается скрежет открываемых дверей и следом звучит эта будоражащая душу команда:

- Руки за спину! Выходи из вагонов!

И следом:

- Шаг влево, шаг вправо расценивается как попытка к бегству! Стреляем без предупреждения!

Сволочи, подумал, и минуты не дадут пожить спокойно. Все пугают, пугают - будто перед ними не люди, а быдло какое-то. Впрочем, мы и были тем быдлом, у которого не было никаких прав, вплоть до права жить.

После вонючего и душного вагона жизнь на морозном воздухе показалась нам раем. Смеркалось. Конвоиры торопились: нужно было засветло попасть на зону. Нас выстроили вдоль железнодорожного полотна, скоренько провели перекличку.

- Все! Нале-во! Шагом марш! - скомандовал квадратного вида прапорщик в бушлате. У него был тяжелый подбородок и недобрые, колючие глаза. «Этот убьет и фамилию не спросит», - подумал я.

Мы двинулись прочь от станции. Нас было человек сто архаровцев, одетых в разное рванье. Собаки чуяли наши немытые, пропитанные запахами СИЗО тела и бросались на нас, как на своих самых заклятых врагов. Стоило кому-нибудь отстать или отклониться в сторону, как какая-нибудь здоровенная овчарка тут же хватала беднягу за ногу.

Команды бежать не было, но кто-то из зеков задал быстрый темп, и колонна буквально понеслась рысью.

- Эй, мудаки, куда ж вы разогнались? - злились, задыхаясь на морозном воздухе, старики. - Не в ресторан гонят - умерьте прыть.

Но их не слушали. Напротив, кто-то нарочно старался ускорить движение. Позже выяснилось, что всю эту гонку устроила блатата. Те спешили к старым корешкам в надежде после долгого и зябкого путешествия отогреться чифирком. Такая была традиция - блатных встречать, как старых добрых друзей, новичков же - унизительной «пропиской». Это такое издевательство, которое не каждый еще выдержит. Кого-то бьют ложкой по заднице, кому-то отбивают почки набитым камнями носком, кого-то сразу опускают, то есть делают из мужика женщину. Без «прописки» никуда.

Конвоиры даже не пытались сдерживать строй. Сами торопились. Там, в таежном зверином углу, их ждало тепло, кого-то даже рюмочка-другая по случаю праздничка - как-никак пополненьице в их святых угодьях. А собаки продолжали свирепствовать. Они метались вдоль строя, дико лаяли и все норовились вцепиться в чью-нибудь ляжку. Этому их сызмала учат, без этого конвойная собака - не собака.

Я был в этом мире новичком, которому еще предстояло пройти все круги лагерного ада. Все вышло по дурости - приревновал жену к товарищу, обоим и всыпал по первое число. Жена-то быстро оправилась. Почистила перышки, что та курица, и пошла жить дальше. А вот товарищ меня подвел - слабым оказался. Чуть было Богу душу не отдал. После моей пьяной оплеухи пролежал в больнице со сломанной челюстью три недели, а потом еще и наблюдаться ходил к невропатологу. Головой стал как-то странно трясти - видно, что-то в ней хрястнуло и обломилось. Меня в суд. Присудили хулиганство с серьезными увечьями. А так как я на суде взбрыкнул, меня и решили наказать по всей строгости закона, а это четыре года в колонии усиленного режима. В общем, жил не тужил, а тут на тебе: стал самым что ни на есть настоящим зеком.

Жена провожала со слезами. Мишенька, да как же я, мол, без тебя жить-то буду. А так, говорю, и добавляю в сердцах: не хрен было задницей вилять перед моим другом-товарищем. Не виляла бы - ничего бы не случилось со мной. А она: да не виляла я, не виляла. Ты это, мол, спьяну-то приревновал козу к телеге. Может, думаю, и спьяну, да только жаль мне себя стало. Глаза взмокли, кадык задергался. Ироды! - захотелось крикнуть мне на весть белый свет. Почто душу губите? А потом понял, что никому-то моя судьба не нужна, потому как вообще никто в этом мире никому не нужен. Плюнул я, выматерился - и пошел на отсидку. При этом думал так: коль удастся живым выйти на волю - уеду, куда глаза глядят, чтобы больше ни жену свою не видеть, ни товарища изувеченного. Уж больно осерчал я на них, хотя, может, зря я так, может, они и не виноваты вовсе, а и впрямь виновата водка, которую, падлу, я жрал тогда безбожно. При этом, дурень, оправдание искал себе в том, что жизнь моя не удалась, а потому мне ничего не остается, как только гонять в гастроном за поллитровкой.

Но вот ежели хорошенько разобраться, то жил я на воле более или менее сносно. А я ведь из тех послевоенных деревенских оборванцев, которым на роду было написано жизнь прожить серую и безрадостную, а вот ведь все вышло совсем по-другому. Вырвался я из нужды, в городе стал жить, семью завел, деньги стал хорошие зарабатывать. Как только закончил строительный техникум - так все и пошло у меня хорошо. Была такая организация - мы ее «мути-водой» про меж собой называли. Занимались мелиорацией, а это дело денежное. Оклады там были высокие, плюс к тому хорошие командировочные получали. В общем, жили - не тужили.

А родился я на одной из забытых Богом забайкальских железнодорожных станций, где паровозные гудки въедаются в печенки с детства и становятся неотъемлемой частью твоей жизни. Станция была обыкновенная: несколько десятков деревянных никудышных домишек, где жили в основном семьи железнодорожников, пустынные дворы да огороды. Бедность в поселке царила беспросветная, правда, иной жизни люди не знали и думали, что они живут не хуже других. Хотя были, конечно, среди нас и зажиточные по нашим меркам семьи. У тех и дома были рубленные в пять стен, и дворы ухоженные, где весело гомонила на все лады упитанная живность.

Есть ведь люди, которые при всяком государственном порядке жить умеют. Но таких, как водится, по пальцам можно пересчитать, вот и кажется, что все мы - одна лишь сплошная голь перекатная.

А вот наша семья, выходит, жить не умела, коль у нас и дом был ветхий, и двор пустой. Правда, чушку мы постоянно держали, и пару хромых куриц имели, но вот до остального было далеко. Отец мой осмотрщиком вагонов работал, а матери при станции дела не нашлось. Поэтому жили на одну небольшую батину зарплату. А попробуй, подними на такие деньги шесть душ детей, если каждого и накормить нужно, и одеть, и обуть... В общем, тянулся батя изо всех сил. Днем - на службе, вечером - в хлеву или на огороде. Матери тоже доставалось: нарожала детей целую армию, вот и приходилось всю эту комариную тучу годами кормить-поить да обстирывать. Крутилась, как белка в колесе, - все соки из нее в конце концов и вышли. А, говорят, такая справная была и белоликая, когда замуж выходила. А тут за пять первых лет в старуху превратилась. Вместо Машеньки ее стали все называть теткой Марьей. Так и не нажилась она в молодости, так и состарилась раньше времени.

Впрочем, во всех дворах было так. До восемнадцати лет - в девках, а потом сразу - в тетки. Эх, и короткая была у наших женщин жизнь: не успела родиться, а тут уже и старость беззубая навстречу спешит.

Весь этот трудный уклад пристанционной жизни не мог не оставить свой отпечаток. Наблюдая за тем, как рвут свои пупы их родители, дети в большинстве своем росли нормальными чадами. Шалопаев, как правило, не было. С ранних лет помогали старшим по дому, каждый умел и скотину накормить, и воду из колодца принести, и пол помыть, и баню натопить... В общем, все путем. Хотя случались и исключения. Взять, к примеру, моего старшего брата... В четырнадцать лет его угораздило в колонию для малолетних преступников попасть. Однажды ночью они с другом забрались в вагон товарного поезда и украли оттуда мешок комбикорма. Их поймали и судили как последних уголовников. А какие они, к дьяволу, уголовники! Ведь не по злому умыслу все вышло. Голод их на это толкнул. После войны известное дело как все было: люди пухли и мерли от недоедания, как мухи. Летом куда еще ни шло: сорвал травинку-былинку и пожевал ее, а что зимой? Картоха кончилась - и все... Казалось бы, сажай ее больше и жируй, но ведь у нас в Забайкалье что ни лето, то с причудами. Если не солнце урожай спалит, то в воде он сгниет. Такая вот беда. Жили бы мы в колхозе - другое дело. Там общий котел, коммуна. Станет худо - помогут. А у нас вся надежда была на свой худой огород да на негустую живность. Правда, осенью ходили семьями по голубицу, грибы собирали, а потом тетки наши стояли на пристанционном рыночке и зазывали пассажиров из проходящих поездов:

- Горячая картошечка! Горячая картошечка!

- Груздочки соленые! Подходи - бери!

- Ягода-голубика! Купите - недорого! Всего-то рупь стаканчик!

У кого коровенка была - те и молочко продавали. Пассажирам это удобно: возьмут кулек горячих прямо с пылу-с жару картофелин, а к ним бутылку молока да баночку груздей в придачу - и вот он, обед. Как говорится, дешево да сердито. А у теток станционных приработок. Вот так в обоюдной выгоде и жили. Но это хорошо, когда есть чем торговать, а что делать тому, у кого в доме конь, как говорится, не валялся? И такое бывало. Порой доходило до того, что иные соседи, дабы не подохнуть с голоду, собак своих жрали. Недоброе это дело - жрать собак, но голод - хуже смерти. Он сводит с ума, он убивает в тебе все человеческое.

Мне приходилось видеть тех, кого голод лишил рассудка. Страшные то были люди. Таким уже ничего в жизни не страшно. Ради жратвы они и душу свою дьяволу запродадут.

Жила с нами по соседству некая семья гуранов - Караевы их фамилия была. Бедовали они прямо-таки зверски. Вышло так, что хозяин туберкулезом заболел, и его отправили на инвалидность. А до этого он телеграфистом на станции трудился. Что до жены, то, как это бывало сплошь да рядом, она не имела возможности устроиться на работу и потому домохозяйствовала. Год тогда выдался неурожайным, вот зимой Караевы от голода и завыли. Был бы хоть припасок какой - деньги там или же провиант, а тут ничего. А у них пятеро детишек мал мала меньше. Что делать? Как жить? Был поросенок - так его быстро оприходовали. И петуха сожрали, и трех курочек-несушек. А голод наступает. Тут хозяин не выдержал и того... Спятил, значит. Ночью забрался в дом к старикам Семеновым и... порубил их топором. И всего-то лишь для того, чтобы погреб их очистить. А в погребе том, кроме мешка картошки и капкана на крыс, больше ничего и не было. Караеву «вышку» дали, а в доме у него мор начался. Вначале дети один за другим повымерли, а потом и хозяйка в петле удавилась. Вот такие-то дела.

А вообще, у нас поселок тихим слыл. Я его и теперь с теплом и сердечным трепетом вспоминаю. И люди какие-то тихие да приветливые в нем жили. Жизнь трудная была, а они, гляди ж ты, не заболели злом. Терпели и сносили все молча. Как будто это и не люди вовсе были, а какие-то христосики. Нет, не блаженные, а именно христосики. Те, что плоть от плоти Христа-избавителя. Такие, [illegible] и надорвутся от жизни, вряд ли худое [illegible] натворят. Это нынче люди чуть что - в [illegible] гедию все превращают. И плачутся, и скул[illegible] и всех на свете в своих бедах обвиня[illegible] Злые какие-то все вокруг стали, бессерд[illegible] ные. Одним словом, мелковонь. Как буд[illegible] их не матери-святые души и не отцы-тер[illegible] ливцы рождали. Как будто их ветром [illegible] далеких злых миров занесло. Я это и о сб[illegible] тоже. Ну, зачем вот я жену-то свою и то[illegible] рища закадычного избил? Лучше бы в ц[illegible] ковь сходил, Богу помолился да свечку [illegible] упокой своих родителей поставил. Мир [illegible] тогда меня обуял, чувства пришли бы в н[illegible] му. Увы, мы к этому делу непривычные - б[illegible] божники, в общем. Вот потому, видно, и [illegible] шит нас какая-то паразитка-змея изнутри, [illegible] и выскакивают наружу наши нервы, как [illegible] пружины из старого довоенного дива[illegible] Выскочат и оголятся проклятые. А жить [illegible] оголенными нервами - это все равно, что [illegible] кипятке купаться. Беда!

Дорогой мой, мой забытый Богом пр[illegible] станционный поселок... Таких - многие сотн[illegible] на Транссибе. Но наш был какой-то особе[illegible] ный. Я даже запах его помню. Сложный э[illegible] запах, душевный. В нем и дымок горящей [illegible] осенних кострах сухой огородной ботвы [illegible] дится, и щекочущая ноздри паровозная гар[illegible] и сдобный дух маминых шанежек. Эх, вы, ш[illegible] нежки ржаные материнские! Как там кос[illegible] рям говорили? Шанежки да пирожки, так по[illegible] самые корешки! Жаль, рецепт маманя не о[illegible] тавила. Просил однажды жену сделать что[illegible] то подобное, а она вылупила на меня св[illegible] глупые кукушкины зенки и спрашивает: а что[illegible] это такое и с чем это едят? Я в псих. С хр[illegible] ном дедушкиным это едят, понятно? - говор[illegible] а про себя с возмущением думаю: ну что[illegible] это за бабье такое нынче народилось? Н[illegible] щей путевых не сварят, ни блинов не испек[illegible] Что-то мышкуют там, что-то пытаются изо[illegible] разить по книжным рецептам, а в итоге [illegible] кое-то собачье дерьмо получается.

Я это в сердцах про собачье дерьм[illegible] то. Собаки здесь ни при чем. Во всем [illegible] свете люди виноваты. А собаки...

Их у нас в поселке было много. Были [illegible] большие да злючие псы, были и малень[illegible] брехалки. В нашей семье предпочитали им[illegible] больших. Нет, не для того, чтобы они задн[illegible] воришкам драли - тем, что по чужим дво[illegible] лазают. Впрочем, и воришек-то у нас отъ[illegible] ленных не было. Время было тяжелое, но в[illegible] воровать люди не воровали. Честь и совес[illegible] берегли. Детишки да, те постоянно паслись [illegible] чужих огородах. Но да ведь это так есте[illegible] ственно: кто из нас в детстве не нырял в [illegible] жой огород, где, как известно, и морковка сл[illegible] ще и редька ядренее? Я тоже с братьями [illegible] сестренками нырял в соседский огород. Б[illegible] вало, попадались. Ох, и доставалось тогда н[illegible] от отца! Чтобы нам неповадно было воров[illegible] он бил нас на полном серьезе, при этом б[illegible] армейским ремнем, в котором вернулся в с[illegible] рок пятом с фронта. Мы орем благим матом, мать рядом ревет и слезами обливается - жа[illegible] ко ей нас, - а батя хрясь по заднице, хрясь... «Будете еще, кролики безмозглые, чужую мо[illegible] ковку воровать?» - размахивая тяжелым ре[illegible] нем, спрашивал он нас, и мы в голос кричал[illegible] «Нет, больше не будем никогда!»

И все-таки чаще нам доставалось не от отца, а от собак. Были у иных хозяев этакие злющ[illegible] и свирепые псы, что просто ужас. На ночь их отвязывали, и они бегали по родным дворам-огородам и искали, на ком бы сорвать свою злость. В основном то были овчарки, которых брали в лагерном питомнике. Недалеко от н[illegible] шего поселка была «зона», обнесенная со всех сторон двумя рядами колючей проволоки со сторожевыми вышками по углам. Лагерь был большой, говорили, там сидело больше тр[illegible] тысяч заключенных. На работу их водили в тайгу - благо, она была под боком. Те валили лес, ру[illegible] били сучья, а из веток делали огромные кос[illegible] ры. Потом стволы дерев пилили - кругляк в одну сторону, хлысты в другую. Подходили лесовозы и увозили лес на станцию. Там его гру[illegible] зили в вагоны и отправляли в разные концы необъятной нашей державы. Помню запах свежеспиленных елин. Когда грузили лес, дух на станции стоял такой, будто бы ты попал на к[illegible] кой-то необыкновенный праздник. Закроешь глаза и видишь себя на новогоднем балу сре[illegible] ди сказочных героев, но вот откроешь их - и все становится прежним. Тот же проклятый уны[illegible] лый пейзаж - серые дома, груженные лесом ва[illegible] гоны, снующие взад и вперед изможденные фигуры зеков... Не переставая, лают собаки, по[illegible] едая бешеным взглядом заключенных. Провод[illegible] ники с трудом сдерживают их, но те брызжут [illegible] слюной и все рвутся и рвутся вперед, пытаясь сорваться с поводка.

Алексей Воронков.

(Продолжение следует).

ПО ВОПРОСАМ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ И РЕКЛАМЫ ЗВОНИТЕ 44-39-70

Рассказ

СОБАКИ

(Продолжение, начало в №16(118) за 16.04.03).

Ах, эти собаки! Я люблю их и ненавижу одновременно. Что ни говори, а в них изначально заложена и некая вызывающая отвращение порочность, и беспримерная, безоглядная преданность человеку. Часто люди ненавидят собак, считают их злыми, безмозглыми тварями. Но это несправедливо. Нельзя винить их в том, что они бывают лютыми и ненавидящими все живое - надо винить людей, которые вложили в них свои пороки. Уверен, собака рождается не для того, чтобы быть человеку врагом, она рождается ему другом. Но мы их портим. Да, да, портим...

Это я понял уже в детстве, когда наблюдал за лагерными псами. Я часто бегал в лагерный питомник и там видел, как рождаются щенята. Они рождались добрыми и смешными. Их можно было брать на руки, и они не причиняли тебе зла. Напротив, они старались облизать твое лицо, покрыть его слюнявыми поцелуями, показать тебе свою щенячью бескорыстную любовь. А потом их в двухмесячном возрасте отлучали от матери. Проводник-инструктор запихивал их в мешок и отправлялся в тайгу. Там, в четырех километрах от лагеря, находилась тренировочная база для собак. Первоначально щенков выбраковывали. Незлобливых и игручих безжалостно топили в озере, реже отдавали жителям поселка. Один из таких, выбракованных, которого мы назвали Пиратом, долго жил у нас во дворе. Это я выпросил его у главного проводника собак дядьки Федора. Он тогда уже собирался привязать к шее щенка камень, чтобы утопить беднягу в озере, а тут вдруг я подвернулся со своей просьбой. «Отдайте мне щенка, - заканючил. - Ну, отдайте же!» «А родители согласны?» «Согласны, согласны!» «Ну, тогда забирай...»

Нет, злым он так и не стал, но зато умным был - иной человек позавидовал бы. Мы его любили, а отец даже брал его на охоту. Вот говорят, что овчарки не охотники, а наш Пират и птицу чуял за полверсты, и мог найти затаившуюся среди кустарников козу, а потом выгнать ее на охотника. Так что без добычи наш батя из тайги не возвращался. «Молодчина, Пират, - скупо хвалил он пса. - Ты самая умная в мире собака». Любил батя собак, при этом не только Пирата. Бывало, соберутся с матерью в гости к соседям, так он обязательно вместе с бутылкой первача еще и кусочек хлебушка прихватит с собой для хозяйской псины. «Собака - главный хозяин в доме, - со значением в голосе говорил он. - Поэтому ее привечать надо».

А вот дядька Федор, лагерный проводник-инструктор, был к собакам не в меру жесток. Этот усатый, красномордый и угрюмый человек, сам чем-то похожий на пса, старался из обыкновенных ласковых и наивных щенков вырастить свирепых зверюг. Восточно-европейские овчарки, а мы их называли лагерными или энкавэдэвскими, растут быстро, на глазах превращаясь в крепких мордатых псов. Чтобы они росли и матерели еще быстрее, их кормили как на убой. Зеки, которых держали в черном теле, знали об этом и завидовали псам.

Дрессировали собак по-особому, натаскивая на людей. Для этого дядька Федор шел в лагерную прачечную, брал зековское шмутье и затем возвращался на тренировочную базу. Здесь он заставлял кого-нибудь из помощников напялить на себя вонючую лагерную робу, после чего пытался натравить на него собак. Чтобы разозлить животных, помощник, следуя указаниям старшого, бил молодых собак палкой - те зверели и старались укусить обидчика. Так постепенно они приучались ненавидеть не только человека в зековской робе - сам зековский дух. Потом, когда псы станут взрослыми, они будут повсюду гоняться за этим запахом. И уж если они доберутся до того, от кого пахнет лагерной шконкой, - пиши пропало. Энкавэдэвские псы - это настоящие людоеды, от которых не жди пощады.

У нас в поселке боялись лагерных псов. Казалось бы, чего бояться-то, а ведь боялись. Будто бы люди постоянно ставили себя на место зеков. Время было тревожное, и каждый понимал, что в любую минуту и его могут посадить за решетку. Как говорится, от сумы да от тюрьмы... Сочтут, что ты какой-нибудь японский или английский шпион - и ауфвидерзейн. А могут и в политической неблагонадежности обвинить. Хорошо еще, если в лагерь попадешь, но ведь часто все заканчивалось «вышкой». Так было почти до середины пятидесятых, это уж потом начнут реабилитировать безвинно-виноватых. Но тогда еще до этого было далеко.

Впрочем, собаки - это одно, но ведь, кроме энкавэдэвских псов, у нас на станции была и другая беда - дед Иван Купала. Не знаю, то ли фамилия у человека была такая, то ли это прозвище, но все звали его именно так. Это был огромного роста мужик со страшной силищей в руках. У него была густая седая шевелюра, вечно опущенные вниз глаза и какая-то виноватая улыбка на каменном сером лице. Все знали, что он обладает сглазом. Да и он сам это не скрывал. Когда выходил из дому, то обязательно кричал соседям: дескать, уберите скотину и детей - мне надо в магазин сходить.

Зная о своем худом даре, Купала целыми днями сидел дома и не высовывал носа на улицу. Боялся навредить людям. Человеком он был совестливым и постоянно страдал от сознания, что он есть большая беда для людей. А он и был той бедой. Взглянет, бывало, ненароком на чью-то курицу или козу - считай, крышка им. Настоящий падеж скота этот несчастный порой устраивал. Несколько раз Купалу собирались выжить из поселка, но всякий раз приходили к мысли, что это не по закону. Да и сердобольность человеческая была еще на высоте. «Ну, куда он пойдет? - спрашивали люди. - А семья как, а дети?»

Так Иван всю свою жизнь и маялся в собственной неприкаянности, так и болел совестью. Говорили, что даже руки на себя наложить пытался, да дети и жена его отговорили. Ты, отец, сказали, ни в чем не виноват - это природа так подшутила над тобой. Смирись и живи, как жил. Что ж теперь, мол, делать.

Чтобы создать какой-то реальный противовес Ивану Купале, к нам в поселок на постоянное жительство одну старуху сманили - та была знахаркой и лечила людей от сглаза. Теперь стоило только кому-нибудь заболеть - звали эту бабку. От докторов толку было мало. Ангина там или насморк - другое дело, но коли уж был сглаз, то тут медицина была бессильна. Бессильны были и ветеринары, когда нужно было порчу со скотины снять. Опять же звали бабку. Но с животными, в отличие от людей, у нее получалось хуже. Дохли чушки, дохли козы, дохли куры. У Купалы во дворе тоже вся живность передохла. И виной тому был все тот же его дурной глаз. Вот такая беда нависла над всеми нами. Люди жили в тревоге и в недобром предчувствии, и только мой отец, казалось, был спокоен. «Это все ерунда, - говорил он. - Лишь бы войны не было. Война - вот это настоящая беда. Не приведи Господи, чтобы она повторилась».

Отец был прав: все это было ерундой по сравнению с мировой революцией. Те страхи из далекого детства теперь мне представляются чем-то вроде страшных пауков на картинке. Жизнь оказалась гораздо страшнее, чем я о ней думал. Особенно тошно стало, когда попал в тюрьму. А ведь старший мой брат, который раньше меня познакомился с нарами да тюремными вшами, предупреждал меня. «Мишка, - говорил он, - все что угодно, только не тюрьма. Попадешь туда - пропадешь».

Это он по собственному опыту знал. Стоило ему один раз попасть туда - и все, и пошло-поехало. Когда с малолетки вышел, гляжу - это уже не Санек вовсе, а какой-то блатной придурок. Пальцы веером, губа оттопырена, в глазах - презрение ко всему человечеству. Неделю на воле не проходил - снова упекли... Теперь уже за групповое хулиганство. Сидел с дружками в лесочке, пил горькую, а тут молодежь зеленая подвернулась - так изувечили. А потом еще был срок, и еще, и еще... Удивительное дело: из тюрьмы Санька всегда писал только умные письма - учил правильно жить, учил родину любить и почитать родителей, но вот сам он, дурак, этих своих советов не придерживался. А ведь зря. Такой Макаренко из него бы вышел.

Лагерь, куда я попал, оказался огромным царством-государством с очень сложной структурой. Разделен он был на две зоны - жилую и рабочую. В рабочей зоне находился целый завод, где работали тысячи заключенных из десятков отрядов. Но не все зеки работали на заводе. Были отряды, которые занимались строительством, валкой леса, разными хозяйственными работами. К примеру, при колонии была конюшня. Она находилась на отшибе, и ее очень тщательно охраняли. Я спрашивал одного бывалого, отчего, мол, такой почет парнокопытным. Он засмеялся. Неужто не понимаешь? - спрашивает. Не-а, - отвечаю. Да если, башка твоя дурья, конюшню не будут охранять - в одну ночь зеки лошадей сожрут. Кормят-то здесь сам знаешь как - животы к спине прилипли...

Мне повезло: меня определили в элитный первый отряд, контингент которого сплошь состоял из некогда солидных людей, которые теперь трудились в здешнем конструкторском бюро. Были среди них и бывшие замы министров, и начальники главков, и директора предприятий, а еще всевозможные бывшие главные инженеры, главные конструкторы и все в этом духе. Кого-то из них взяли за взятки, кого-то уличили в воровстве, кого-то в других темных делишках. Я в эту компанию попал совершенно случайно. Когда меня при распределении по отрядам спросили, какую последнюю должность я занимал, ответил, что был главным инженером. Хотя я-то понимал: ну какой из меня, к хрену, главный инженер? Временно я на этой должности оказался, при этом совершенно случайно. Старый главный ушел на пенсию, а нового еще не прислали. Походи пока в начальниках, сказали мне в ПМК. Как только найдем подходящую кандидатуру - снова вернешься в прорабы. Но в прорабы я вернуться не успел, потому как попал на нары.

На «зоне», заглянув в мои документы, решили, что я и в самом деле большой специалист. Когда же через некоторое время поняли, что конструктор из меня никудышный, поставили вопрос о моем переводе в другой отряд. Я затосковал. Еще бы! В КБ я чувствовал себя человеком. Там и отношение к людям другое, и почет тебе, и уважение. Даже послабуха режимная кое-какая была. Например, нам разрешалось дольше обычного оставаться в рабочей зоне, где мы с товарищами даже могли отпраздновать чей-то день рождения или праздник. Кроме того, к нам чаще, чем к другим, дозволяли приезжать родным, чаще нам передавали с воли и посылки с письмами. В общем, там было все иначе. И вдруг всему этому должен был прийти конец...

К моему счастью, в КБ тогда освободилось место художника - меня и кинули на трафареты. А все вышло абсолютно случайно. У нас был штатный художник Жора Лукин, который по совместительству делал по ночам зекам наколки. Хочешь, например, иметь на груди групповой портрет пролетарских вождей - Жора все сделает в лучшем виде. И Собор Василия Блаженного изобразит, и Кремль московский, и даже лик Христа Спасителя. Рассчитывались же с ним кто чем мог. Здесь и плиточный чай в ходу был, и сигареты, и выпивка. В тот раз с художником рассчитались одеколоном, ну Жора и принял лишка. Когда возвращался в свой отряд, на зам. начальника по режиму майора Осипенко напоролся. Жору в ШИЗО. После этого его отправили в распоряжение заместителя по воспитательной работе капитана Телкина. Стал он жен сотрудников лагеря рисовать. Говорили, рисовал хорошо, поэтому и держали его на этом теплом месте до конца срока.

Я был рад за Жору не меньше, чем за себя. Он мне сам говорил, что стал жить еще лучше. Жены сотрудников несли ему жратву, и тот жил, как у Христа за пазухой.

В лагерном КБ я подружился с одним интеллигентным зеком из Москвы по фамилии Королев. К изобретателю ракет он никакого отношения не имел, хотя раньше работал в конструкторском бюро - конструировал летательные аппараты. В КБ попал после окончания МАИ. Есть такой знаменитый институт в столице, где готовят будущих Туполевых. Через годы работы он получил доступ к секретным чертежам. Сам удивлялся. Видимо, кто-то прошил, что он родственник Сергея Королева. А потом начальство предложило ему воспользоваться «высокими связями» знаменитой своей фамилией... Дескать, сходи-ка по родственным КБ и попытайся выведать, чем они там занимаются.

В общем, толкали парня на промышленный шпионаж. Ему ничего не оставалось, как выполнять приказ начальства. Он шел пешком, он ехал на поезде, он летел на самолете туда, где так же, как и в его родном КБ, занимались разработкой летательных аппаратов; он встречался с бывшими товарищами по институту и слезно умолял их показать ему то, над чем они работали. После этого Королев с богатой информацией возвращался в Москву и докладывал начальникам об итогах командировки. За это Андрюхе платили хорошие деньги. Он получил квартиру, обставил ее, стал посещать рестораны, где знакомился с красивыми девушками.

Но на «зону» он попал не за шпионаж - бабы подвели. Как-то с другом они крепко гульнули у того на даче. Пригласили туда двух смазливых девиц и гульнули... На следующий день одна из них повесилась. Как? Что? Андрюху арестовали. Дескать, ты изнасиловал девушку, и она повесилась. Поднялась ее родня, а девушка оказалась родственницей одного известного советского поэта, который в свое время с самим Сталиным за руку здоровался. Состоялся суд, Андрюхе присудили «вышак». Он на колени: не виноват я, ей-Богу, не виноват! Пощадите! Адвокат своего просит: вы поднимите дневники девушки - все и станет понятно. Но суд остался при своем мнении. Потом была кассационная жалоба, и Королеву заменили расстрел пятнадцатью годами отсидки.

Не знаю, в чем причина, но в приятели он почему-то выбрал именно меня. В отряде было столько умных, интеллигентных людей, а он, глядишь-ка, отдал предпочтение бывшему прорабу. Может, сам того не осознавая, он увидел во мне некую силу, которая поможет ему выжить на «зоне»? Я ведь был не из их городской породы, из тех самых одуванчиков, что даже иную маленькую беду воспринимают как трагедию. Я больше знал жизнь, больше был к ней приспособлен, потому и лагерь для меня оказался не какой-то безнадежной ямой, а стартом в лучшую жизнь. Надо было только перетерпеть...

Помнится, попервости Королев пал духом. Ходил по лагерю, словно смерть, и ничего перед собой не видел. Худющий и оттого кажущийся непомерно длинным, с бескровным, бледным лицом, он выглядел и не человеком уже вовсе, а сущим привидением. В глазах отрешенность, словно у того пустынника. Я как его в первый раз увидел, так подумал, что этот долго не протянет. Решил поддержать человека. Стал успокаивать его, добрые слова говорить, даже подкармливать пробовал - благо, жена не забывала меня и постоянно присылала мне харч в виде доппайка. Тот и клюнул на мою доброту. Слова мои вместе с моей жрачкой подействовали на него, и он стал потихоньку приходить в себя; в лице его появилась живинка, он посвежел и заговорил. А то молчал, как покойник. Он оказался интересным человеком. Много рассказывал о себе, о Москве. Сколько там, в столице-то, всякого интересного, оказывается, происходит - раньше я об этом и не знал. В общем, жизнь совершенно другая, как говорится, ключом бьет - куда там нашей сермяжной.

В КБ, где собрался цвет нации, светлые лагерные умы что-то там конструировали, изобретали, и их новации использовались при выполнении государственного задания. А задание было известное: работали на «оборонку». Какие-то запчасти выпускали, которые потом зеки упаковывали в большие зеленые ящики, где, не без гордости могу сказать, красовались мои белые трафаретные циферки и буковки.

А.ВОРОНКОВ.

(Продолжение следует).

ПО ВОПРОСАМ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ И РЕКЛАМЫ ЗВОНИТЕ 44-39-70

Рассказ

СОБАКИ

(Продолжение, начало в №17(118), №18(120)).

Завод работал в три смены. Задание «зона» выполняла с блеском. Начальство наше за это награждали, и оно было довольно. А все дело было в том, что наши «светлые умы» имели большие связи и этим пользовались, несмотря на то, что находились за колючей проволокой. Был, к примеру, у нас один бывший зам. министра - так тот умудрился через своих приятелей на воле оснастить лагерный завод современным чешским оборудованием. У нас даже паровозик по зоне ходил немецкий, и все у нас было импортное и новенькое. Начальники наши только головами качали. Ну, дескать, и мафия, эти, мол, и под землей царство небесное себе устроят. Одним словом, Москва.

Королев оказался парнем башковитым. Когда немного очухался от неожиданного удара судьбы, принялся что-то изобретать. Я не понимал, что он там мышкует возле своего кульмана, но слышал от других, что Королев непременно что-то изобретет великое и выйдет на волю досрочно. Говорили, что так всегда бывало: сделает человек что-нибудь эдакое грандиозное на благо своего лагеря и страны - ему и скостят срок. Королев знал об этом, поэтому, видимо, и стремился удивить весь белый свет. Мне он говорил так: «Здесь я долго не задержусь. Я человек, который привык к свободе, а такие взаперти не могут сидеть. У таких два пути - или выбраться из неволи, или подохнуть».

Я верил, что у него все получится. Но время шло, а Королев все никак не мог изобрести нечто такое, что помогло бы ему выйти на волю. Он стал психовать, снова осунулся и превратился в прежнего замухрышку - того самого, которого я в первый раз встретил в лагере.

- Знаешь, Миша, ничего-то у меня не получается, - как-то признался он мне ночью. Наши шконки находились рядом, и я чувствовал его тяжелое дыхание. - Думал, я уже у цели, вот-вот ухвачу свою синюю птицу за хвост, но она, сволочь, все время у меня из рук ускользает...

- А что ты там изобретаешь? - спросил я его.

- Одну хитрую вещицу, - отвечает он.

- И для чего? - снова спрашиваю его.

- Это будет уникальный летательный аппарат, которому, веришь ли, даже топливо не нужно. А двигаться он будет бесшумно и с необыкновенной скоростью.

- И на кой хрен он тебе? - не понимаю я.

- Не мне он нужен - Родине, - торжественно заявляет Королев, и я слышу, как дрогнул его голос от внезапно нахлынувшего на него неподдельного патриотизма.

Я пожимаю в темноте плечами.

- И что же Родина будет с ним делать? - простодушно спрашиваю его.

- А это уже ее дело, - говорит мой приятель. - Когда-то и Циолковский так поступил: вручил свои чертежи родному правительству, мол, нате - что хотите, то и делайте с этим. И вот видишь: в космос люди полетели... Может, когда-то и мой аппарат кому-нибудь пригодится.

- Может, и пригодится, - соглашаюсь я. - Но прежде его нужно еще сочинить. Сам ведь знаешь: пока музыки нет - и песню не споешь.

Он кивает мне головой.

- Будем стараться, - говорит. - Иначе я отсюда никогда не выйду.

Время снова побежало по беговой дорожке нашей общей судьбы, а Королев все никак не мог завершить свою работу. Он перестал спать. Ночью ходил по бараку и все думал о чем-то, думал. Утром, наспех проглотив бурду, что подавали нам в столовке, он вместе с остальными шел в КБ, где с горящими глазами шизофреника бросался к своему пульману, от которого его потом уже трудно было оторвать. Окружающие воспринимали его головную боль с пониманием и не считали его сумасшедшим, хотя Королев тогда здорово походил на эдакого придурошного гения, которому не дает покоя бредовая идея. Он стал как-то странно вести себя; он мог неожиданно и громко рассмеяться в самую неподходящую минуту, мог сморозить какую-нибудь чушь; он заговаривался, был дерганным и выглядел совершенно нездоровым человеком.

А однажды ночью он, прижав губы к моему уху, прошептал мне:

- Миша... Послушай, что я решил... Будь она проклята эта наша Родина... Не стану я изобретать для нее летательный аппарат - я его изобрету для нас с тобой. И мы вместе улетим отсюда. Навсегда!

Помнится, я от удивления даже крякнул.

- И куда ж мы улетим? - спрашиваю его. - Неужели ты не понимаешь, что в нашей стране никуда не убежишь - все равно поймают.

- Не поймают! - горячо заявляет Королев. - Мы улетим так далеко, что туда ни одна сволочь не доберется. Устроимся на каком-нибудь необитаемом острове - и будем жить себе свободно и счастливо.

После того разговора с Королевым что-то произошло. Он переменился в лице. Он стал работать еще усерднее и вдохновеннее, как будто от его труда теперь зависела судьба всей планеты.

- Скоро, Миша, скоро мы с тобой улетим отсюда к едрене фене!. Ты только потерпи немного, потерпи, - постоянно говорил он мне теперь. - Ведь за что сидим-то? Да ни за что! Взять хотя бы меня... Ну не насиловал я никого, не насиловал, а меня осудили... Справедливо ли? Нет же, не справедливо. Ну а ты? Ты же ведь не уголовник по натуре. А тоже сидишь. Ну набил морду человеку и что - сидеть, что ли, за это?

Когда Королев что-то там нарисовал на ватмане, он попросился в цех. Надо, мол, свои мыслишки в железо превращать. Начальство посмотрело его чертежи, ничего не разобрало. Что это, мол, ты сочинил? А Королев им: это то, за что вам, дорогие мои, звезды Героев вручат. Понимаете? ЭТОГО нет еще нигде в мире! Ему позволили работать в цеху, при этом даже дали в помощники трех высококвалифицированных токарей-слесарей, которые на воле трудились на номерном заводе.

- Порядок! - заявил мне ночью Королев. - Скоро мы с тобой точно смоемся отсюда. Вот только соберем детали...

Я с некоторым трепетом ждал, чем закончится вся эта наша с Королевым затея. Говорю «наша» не случайно: уж коли мой друг посвятил меня в свою тайну, то я, по сути, и был самым что ни на есть натуральным его подельником. Конечно же, меня мучили сомнения. А на кой, думал я, мне-то все это надо? Королев - дело понятное, ему еще сидеть и сидеть, но мне-то зачем бежать? Меня ведь ни сегодня - завтра выпустят. А вот ежели попытаюсь смыться, то мне к моему небольшому сроку могут добавить еще два раза по столько. А в том, что нас поймают, я ничуть не сомневался. Но с другой стороны, Королев был моим корешком и я не имел права подводить его. Коль сказал, полечу с ним - значит, так тому и быть. Эх, была не была! - вздохнул я вконец и выматерился. Как говаривали наши мужики на станции, уж коль пошла такая пьянка - режь последний огурец.

Однажды я решил одним глазком поглядеть на то, что там мой Королев делает в цеху. Но надо ж тому случиться, что в тот самый день в рабочей зоне убили Ваську Топорнина, которого все звали Топором. Его убили «блатные» - за то, что он проиграл кому-то из них в карты, но деньги не отдал. Убив беднягу, они швырнули тело в котлован, который был вырыт в цеху для нового штамповочного пресса, и забросали его строительным мусором. Но в лагере мало что остается незамеченным, потому что он кишит всякого рода осведомителями и куйгунами, или, говоря попросту, прислужниками и подхалимами. Кто-то тут же «стукнул» начальству, и через некоторое время контролеры извлекли труп из котлована. ЧП! В рабочей зоне стали наводить шмон. Все, для кого не было работы и кто шлялся без дела, были направлены на валку леса. В этой заварухе чуть было не пострадал и Королев, то есть и его хотели загнать в тайгу - но не загнали, а только вновь отправили в КБ. Мол, там твое место. Есть, мол, кульман - вот и ломай об него свои мозги. А цех - это для других.

Но как же Королеву было без цеха, коль именно там он должен был собрать свой «пердолет»? Он загрустил.

- Что будем делать, Миша? - спрашивал меня ночью Королев.

Я лежал на спине, засунув под голову обе руки, и думал совсем о другом. Мне страшно хотелось жрать. В лагере всегда хочется жрать, потому что меню там известное: перепеченный из огрызков хлеб- «вторяк», помои, которые назывались супом и каша-размазня либо какая-нибудь лапша неопределенного, чаще грязного цвета. То, что присылала жена, съедалось в одночасье, а дней-то в месяце гораздо больше, чем посылок из дому. Вот я и страдал.

- Ну, что ты молчишь? - нервно спрашивал меня Королев. - Или уже не веришь в нашу затею?

- Тише, - прошептал я в вонючий, пропитанный духом гнилых портянок казарменный воздух. - Стукачи ведь кругом... Глянь, сколько сразу ушей зашевелилось...

Он зло усмехнулся.

- Это крысятники, - сказал Королев. - Сегодня Академик посылку из дома получил - вот суки и ползут к его тумбочке. Сейчас услышишь, какой под одеялами хруст начнется.

И в самом деле: не прошло и пяти минут, как в темноте кто-то громко зачавкал, словно свинья. Выходило, что и в нашем образцово-показательном отряде воры имелись. Проснется бывший знаменитый на всю страну ученый, захочет куснуть московского сервелата, а того и след простыл.

Подумав о колбасе, я чуть было не завыл от тоски. Е-мое, да когда же это все кончится? Когда же я вернусь домой и от пуза нажрусь колбасы? А может, этот день никогда уже и не настанет? Тогда зачем я живу-маюсь? Зачем силы трачу на эту жизнь? Не лучше ли тогда башку свою под пресс засунуть или же там на проволоке колючей повиснуть?

Я это про проволоку неслучайно вспомнил. Как раз накануне один «блатной» по фамилии Буянов умудрился перебраться через «колючку» и убежать. При этом он оставил на проволоке трех своих товарищей. Пока их охранники отстреливали, пока перезаряжали свои карабины, он каким-то макаром сумел преодолеть забор. Дошлый оказался сукин сын. Видно, все просчитал, все в башке своей спланировал. Королев еще позавидовал ему тогда. Вот, мол, счастливчик, скоро дома будет. А я ему: да какой, к дьяволу, дом! Вот увидишь: не пройдет и часа, как его с собаками отловят и тогда уж точно в крикушнике сгноят. Я это ему про штрафной изолятор, куда нашего брата за малейшую провинность сажали. Беглецы же здесь считались самыми лютыми врагами персонала. В последнее время их вообще не ловили, а просто отстреливали. Чаще бежали те, кто работал на лесозаготовках в тайге. Там привольнее, там есть шанс бежать. Но это удается немногим. Куда от собак сбежишь? Те вмиг догонят, а подоспевшие охранники с удовольствием прикончат беглеца. Потом труп бросят посреди жилой зоны на общее обозрение. Глядите, мол, псы вонючие, внимательно глядите. В следующий раз и с вами такое будет, коль попытаетесь бежать. Но Буянова ни живым, не мертвым мы так больше никогда и не увидели. Видно, ему и впрямь удалось убежать. Счастливчик! - снова позавидовал ему Королев.

Так прошло какое-то время. Королев продолжал таять на глазах.

- Миша, - говорил он мне, - наверное, я умру скоро. Ну не могу, понимаешь?.. Не могу я жить без свободы!

- Зачем же умирать! - не на шутку растревожился я за него. - Ведь ты же сам мне сказал: скоро улетим.

А я уже, кажется, больше него теперь желал лететь. Ради друга на что, как говорится, не пойдешь. И пусть потом будет, что будет. Конечно, нас, скорее всего, поймают, но, может, хоть это выбьет дурь из его башки. После карцера ему и барак наш вонючий покажется раем. Но как быть? Королева не допускают в цех, а ведь беда его железная именно там находится. Я к бывшим замам министров и прочей высокой публике обращаюсь: так, мол, и так, граждане хорошие, нужно спасать Королева. А для этого кто-то должен поговорить с начальством. Коллеги по несчастью меня поняли и стали уговаривать начальн[illegible] чтобы те разрешили Королеву снова [illegible]щать цех. Но начальники заартачи[illegible] Дескать, подождите, вот улягутся стра[illegible] тогда и позволим. А тогда после ряда [illegible]исшествий со смертельным исходом [illegible]шем ИТУ, то есть исправительно-труд[illegible] учреждении, высокая комиссия работа[illegible] поэтому лагерь жил напряженной жи[illegible]

А мой Королев продолжал чахнуть, [illegible]но южный цветок на просторах Запол[illegible]

- Умру я, Миша, умру, - постоянно [illegible]вторял он мне. - А ведь как бы нам б[illegible] хорошо, если бы мы улетели с тобой [illegible]лекие края. Нет, видно, не купаться мне [illegible] в теплых морях, не есть ананасы и не [illegible]вать красивых мулаток. Не судьба...

Меня эти слова задели за живое. Ка[illegible] так! - думал я. Неужели я не смогу по[illegible] своему другу-товарищу? Чем мы хуже [illegible]же блатного заморыша Буянова, котор[illegible] как я понял, все-таки удалось сбежать?

И я стал думать, каким образом [illegible] можем покинуть этот «рай».

Нет, я не был изобретателем и поэто[illegible] мог смастерить двухместную ракету или [illegible]молет, но у меня был жизненный опыт и [illegible]мекалка с неплохими мозгами, которые б[illegible] способны выбрать что-то стоящее из [illegible]стейшего набора возможностей. То есть [illegible] был из тех солдат, которые и суп из топ[illegible] сварят, и шилом побреются. Что и говор[illegible] иногда бывает, что обыкновенное реше[illegible] может стать гораздо полезнее сотен ге[illegible]альных идей. А еще известно, что блох[illegible] нас не академики и изобретатели ракет п[illegible]ковали, а обыкновенный деревенский куз[illegible]

Однажды утром, сразу по подъе[illegible] меня вызвали по селектору в санчас[illegible] Когда я прибыл, мне сказали, что нынче [illegible] я буду отправлен в областную больн[illegible] для заключенных на обследование - у ме[illegible] мол, подозревается туберкулез легких. [illegible] обрадовался, потому как все выходило т[illegible] как я и задумывал.

- А как же Королев? - спрашиваю ве[illegible]но нетрезвого врача - майора Клюшки[illegible] - Он ведь тоже кровью кашляет.

А кровью кашлять нас научили стар[illegible] зеки. Я искал способ, как устроить побег, т[illegible]то мне этот Крысин, или Крыса, и подверну[illegible]ся. Он показал, где у нас на рабочей зо[illegible] находится сурик, и растолковал, что нам н[illegible]но с ним делать. Я рассказал о своем пла[illegible] Королеву. Так, мол, и так - надо «косит[illegible] под «тубиков». И одновременно молит[illegible] Бога, чтобы здешние коновалы поверили [illegible] нашу болезнь. Если поверят - непремен[illegible] повезут в область, потому как на месте выя[illegible]вить палочку Коха невозможно - нет таких [illegible] специалистов. А это шанс... У Королева заб[illegible]лестели глаза. Знаешь, говорит он мне, есл[illegible] мы убежим, то забьемся в такой медвежи[illegible] угол, где нас никто не достанет. Там я сво[illegible] быстролет и смастерю, и потом мы полети[illegible] на нем к далеким теплым морям...

С этого дня мы с Королевым стали де[illegible]монстративно кашлять, при этом кашляли та[illegible] громко, что у соседей по бараку треща[illegible] перепонки. А когда мы стали показывать и[illegible] «кровь», которая якобы брызжет из наш[illegible] «гнилых» легких, соседи стали обходить н[illegible] стороной. В лагере вообще все боятся за[illegible]зиться чахоткой. А заразиться там просто [illegible] кругом ведь одни туберкулезники. Ну а бо[illegible]лезнь эта проклятая быстро убивает челове[illegible]ка. Стоит запустить ее - и вот уже она, сме[illegible]тушка. Сколько нашего брата погубила э[illegible] гадина, скольких из нас оставила вечными и[illegible]валидами - не сосчитать. В тайге, на зеко[illegible]ком кладбище, много туберкулезников пок[illegible]ится. И никто из заключенных не хотел пр[illegible] соединиться к ним. Потому, когда кто-то вдр[illegible] начинал кашлять или обнаруживал у себя бо[illegible] в груди, он тут же бежал к докторам..

Майор Клюшкин, услыхав наш надр[illegible]ный кашель и увидев на наших губах [illegible] «кровь», которая была ничем иным, к[illegible] растворившимся в слюне порошком су[illegible]ка, сразу определил, что у нас с Коро[illegible]вым не все в порядке с легкими.

- Поедете в больницу, - угрюмо заяв[illegible] он нам. - Вот как только случится оказ[illegible] - так и отправим.

Как и было велено, к десяти утра мы [illegible] Королевым прибыли к зданию лагерной а[illegible]министрации, где уже находилось несколь[illegible] заключенных. В основном то были пожил[illegible] дядьки. Молодых было только двое, котор[illegible] похоже, как и мы с Королевым, явно «косит[illegible] под чахоточных. Слишком уж веселыми бы[illegible] их глаза, да и сами морды их не вызывали со[illegible]чувствия - на них ни тени болезни, ни бледно[illegible]ти какой. Так, обыкновенные, какие бывают [illegible] людей благополучных и здоровых.

А.ВОРОНКОВ

(Продолжение следует).

ПО ВОПРОСАМ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ И РЕКЛАМЫ ЗВОНИТЕ 44-39-70

Рассказ

СОБАКИ

(Окончание, начало в №17(118), №18(120), №19(121)).

Мы стояли и ждали машины, но ее все не было. Вдруг меня осенило. Я шепнул Королеву, чтобы тот следовал за мной, и мы тут же незаметно юркнули в узкую дверь неказистого на вид, сложенного кое-как из белого кирпича здания. Однажды я уже бывал здесь по каким-то делам. Помнится, меня тогда еще прижало - и я попросился до ветру. Меня проводили в чистенькое отхожее место, где я на минуту мог почувствовать себя человеком. Там-то мне и бросилось в глаза то, что окно в туалете было не зарешечено, а только покрыто белой масляной краской. Я нашел крохотную дырочку в этой мазне, заглянул в нее и обмер: окно выходило прямо наружу. То есть это было окно в свободный мир... Сердце мое зашлось в галопе и одновременно поганая мыслишка обожгла мои мозги. Вот она-де воля, а ты, дурак, стоишь... Но счастье длилось недолго. Раздался зычный голос конвоира, и оно разом погасло, словно свеча.

В коридоре было пусто и безлюдно, как в Каракумах. Я быстро сориентировался и, схватив Королева за рукав, повел его к туалету. В туалете тоже никого не было. Мы быстро выдавили стекло, и в образовавшуюся амбразуру хлынул с улицы свет.

- Полезай первым, - подтолкнул я товарища к зияющему отверстию. Он замешкался. - Ну что же ты, техтюй недоношенный! Давай! Быстро! - зло зашипел я на него. Раньше я бы себе этого не позволил, но теперь, когда мы решились идти на смертельный риск, меня словно подменили. Видно, все дело было в нервах.

Он полез. Длинному, неловкому, ему было трудно выкарабкаться наружу из небольшого отверстия, тем не менее, со своей задачей он справился. Как только в проеме исчезли его ноги, обутые в старые дышащие на ладан ботинки, в окно полез я.

Оказавшись на воле, я первым делом осмотрелся. Никого. И лишь где-то вдали, там, где был большой луг, работали косари. Слава Богу, не зима, а то бы мы так наследили, что нас бы в момент вычислили, подумалось мне. Снег - он первый враг для беглеца.

Не раздумывая, мы бросились вправо. Там, в полутора верстах от лагеря, была тайга. Такая желанная и надежная. Мы бежали...Нет, мы мчались, мы летели навстречу своей судьбе. Казалось, мы вот-вот превратимся в птиц, и тогда уже никто никогда не догонит нас. С детства завидую птицам, потому как у них перед нами есть великое преимущество - у них есть крылья, которые всегда унесут их от беды.

Когда мы уже были в нескольких шагах от цели, неожиданно услышали за своей спиной тяжелый, будто бы сотрясающий все вокруг топот. Погоня! - решил я, и меня охватил страх. Я остановился и тут же получил толчок в спину. Это Королев по инерции влетел в меня. Все, конец... Хотя почему конец? Нет, все хорошо! Свою задачу я выполнил - я вытащил своего друга на свободу. Он вкусил от этого запретного плода, так что теперь можно и сдаваться. Вот только бы собачки нас ненароком не покусали. Я втянул голову в плечи и осторожно оглянулся - там никаких собак... Вместо них увидел двух молодых зеков, тех самых, которые должны были вместе с нами ехать в больницу. Я удивился. Вот дьяволы! - подумал. И как это они догадались, что мы решили бежать? Хотя что удивляться - зек он и есть зек. У него нюх почище сабачьего...

Теперь нас стало четверо. Мы бежали, с шумом пропуская через свои легкие воздух. Я мельком глянул на Королева, думал, увижу на его лице муку, а увидел светящиеся счастьем глаза. И от этого мне самому стало радостно.

Ну, вот и тайга... Огромная, бескрайняя. Ее холодное и спокойное дыхание вмиг остудило наши тела. Она впустила нас под свою сень и спрятала. Вот только надежно ли? Не дотянет ли страшная рука смерти до нас? Не поймают ли? Не растерзают?.. Когда мы углубились в чащу, я остановился и знаком велел остановиться моим спутникам.

- Значит, так, - угрюмо проговорил. - Вы двое, - кивнул я неожиданным нашим попутчикам, - давайте дуйте влево, а мы пойдем прямо. Так собакам будет труднее взять след.

Те кивнули. Перед тем, как оставить нас, один из молодых беглецов подошел ко мне и в знак благодарности протянул мне заточку.

- На, возьми - пригодится, - сказал он.

Я вначале хотел не брать подарок, а потом решил, что в тайге без оружия никак нельзя - принял. Я засунул заточку в карман зековской куртки.

Они ушли, следом и мы с Королевым стали углубляться в тайгу. Было сумрачно. Высокие, стоящие сплошняком деревья, путались своими верхушками, заслоняя от нас солнце. В эти минуты мы чувствовали себя зверьками, которые мечутся от дерева к дереву, стараясь запутать свои следы. Этакие маленькие незащищенные существа в огромной таежной стороне!

Когда мы устали бежать, мы остановились и присели отдохнуть.

- Может, вернемся, а, Королев? - переведя дух, с надеждой спросил я товарища.

Он замахал на меня руками.

- Да ты что такое говоришь, Миша! - воскликнул он. - Мы же столько мечтали с тобой о свободе. И вот она, понимаешь? Вот она! Сво-бо-да! - заорал он вдруг своим несильным голосом. - Сво-бо-да! Я люблю тебя!

Он смотрел вокруг обезумевшими от счастья глазами и все кричал, кричал...

- Да тише ты, тише, дурачок эдакий! - прикрикнул я на него и, схватив его за шиворот, зажал ему рукой рот. - Мы же не на необитаемом острове...

- Верно, Миша, верно... - задыхаясь, проговорил он. - Но ты подожди, вот отыщем какой-нибудь подходящий угол, смастерим там свой быстролет - и полетим с тобой к теплым морям. Ты был когда-нибудь на море? Нет? То-то же...

А я, по правде сказать, уже и не рад был этой свободе. Ну, кто я сейчас такой? - спрашивал я себя. Обыкновенный беглый зек! А ведь еще полчаса назад я был осужденным, которого за примерную работу и поведение готовили к условно-досрочному освобождению. Теперь все, про скорое освобождении надо забыть. Впрочем, это не самое главное - живыми бы остаться. Поди по нашим следам уже и собачек пустили. И вот бегут они, милые, и запах наш поганый ловят своими ноздрями. А что если достанут?..

Только я вспомнил о собаках, как где-то далеко за спиной раздался их разнобойный, отчаянный лай. Ну вот и все...Теперь только остается ждать, когда они нас догонят, подумал я и вдруг остро ощутил, как во мне зреет некий протест. Да, да, я уже не хотел возвращаться назад. Ну не хотел я снова стать подневольным и все тут! Как будто заразился от Королева его жаждой свободы, как будто, сам того не осознавая, я становился похожим на него. Господи, подумал я, что же будет с нами?

- Нам надо бежать, - с тревогой в голосе сказал я Королеву. - Слышишь, собаки лают?

Он их не слышал, и я обозлился на него за это.

- Эх ты, глухарь пришибленный! - произнес я в сердцах. - Да ты уши-то свои продуй, может, тогда и услышишь.

Я вскочил на ноги и побежал. Королев последовал моему примеру. Я бежал без оглядки, стараясь как можно дальше оторваться от преследователей. Королев не выдержал моего темпа, стал отставать; из его легких то и дело вырывались тяжелые хриплые стоны.

- Миша... я не могу... погоди, ей-Богу... - услышал я наконец за своей спиной. Я остановился и обернулся на товарища.

- Не могу! - передразнил я его. - А ты смоги! Иначе какого хрена ты соблазнил меня бежать?

- Это не я соблазнил тебя, а ты меня, - растерянно захлопал глазами Королев.

- Что-о! - возмущению моему не было предела.. - И это говоришь мне ты? Ты, который столько времени базарил о свободе, заражал меня своей сумасшедшей идеей сбежать из лагеря... Ну, ты даешь, товарищ мой любезный! Тогда возвращайся, что же ты стоишь? Ну же...

Он быстро-быстро замотал головой. Нет, дескать, я не могу вернуться назад. Я тоже не мог сделать этого: свобода - скверная штука. Стоит только прикоснуться к ней - и ты уже заражен ею навек.

- Тогда бежим, - сказал я. И мы побежали.

А лай тем временем приближался. Я его слышал ушами, я ощущал его каждой клеточкой своего тела. Собаки все также лаяли вразнобой и жаждали добычи.

- Миша... Я тоже слышу... Я слышу их! - неожиданно тревожно, превозмогая самого себя, прокричал Королев. - Слышу...

- Хрен с ними, с собаками, - не оглядываясь, махнул я рукой. - Авось, не догонят...

И мы продолжали бежать. Но Королев скоро окончательно выбился из сил и, в очередной раз споткнувшись о какой-то пенек, с шумом рухнул наземь. Я подбежал к нему, попробовал поднять, но не смог: тоже, черт побери, устал. Я сел рядом с товарищем.

- Королев, а Королев? Ну же, вставай, - чуть не плача, умолял я его. - Ведь поймают же, гады. Слышь меня? Вставай...

- Не могу...

- Так ведь поймают, говорю...

- Поймают... - едва слышно проговорил он. Он лежал лицом вниз и еле ворочал языком.

- И тогда нам крышка, - продолжал я.

- Крышка, - согласно подтвердил он.

Меня его обреченный тон взбесил.

- Крышка, говоришь?! А ну - вставай, сволочь! Я тебе говорю: вставай!

Я был вне себя от ярости.

- Ну же!.. - Но он и не думал слушать меня. - Ах, ты не хочешь... Ну тогда подыхай здесь! - крикнул я ему, повернулся и побежал трусцой, так, как это делают городские пенсионеры, что пытаются убежать от инфаркта.

Я был зол на Королева, я бежал и даже не думал оборачиваться. Нет, если бы я вдруг услышал позади себя его голос, если бы он попросил меня, чтобы я его не бросал, я бы тут же вернулся к нему. Но он, гад, молчал. И только когда собаки залаяли совсем близко, когда я понял, что они уже учуяли Королева, я повернулся и бросился к нему. Подбежав, я стал с силой отрывать его от земли.

- Королев, а Королев? Ну же вставай, миленький! Нам надо жить, понимаешь? Жи-ить! Неужели мы вот так запросто отдадим свои жизни? Вставай...

В этот момент где-то совсем рядом треснула ветка. Я поднял глаза и увидел, как на нас мчатся три огромных пса. Я оцепенел от ужаса. Вот оно... Вот то, чего человек боится всю свою жизнь... Вот она - смерть! - мелькнуло в голове. Я неотрывно глядел на собак и видел пену на их губах, видел их злые рыжие глаза, их большие желтые клыки, с которых капала слюна. Собаки, казалось, взвыли от радости, увидев беглецов, и, не останавливаясь, с ходу бросились на нас.

- Королев, бежим! - неожиданно заорал я не своим голосом и сорвался с места.

Одна из собак устремилась за мной, тогда как два других пса принялись за Королева. Где-то в подсознании у меня остался их дикий рык, их бешеное дыхание, вопли Королева о помощи.

Овчарка быстро догнала меня, прыгнула мне на спину и тяжело повалила на землю. Я упал и больно укололся щекой о прошлогоднюю хвою.

- Фу! - машинально воскликнул я, выказывая свои былые навыки общения с псами. - Фу, тебе говорят!

Но овчарка и не думала подчиняться мне. Она искала клыками мое горло. И тогда я вспомнил о заточке. Я попытался вытащить ее из кармана, но пес уловил мое движение и тут же вцепился зубами в мою руку. Я взвыл от боли. Собака отпустила руку и снова устремила свои клыки к моему горлу. Воспользовавшись моментом, я быстро сунул руку в карман, и когда собака вновь попыталась отреагировать на мое движение, я вонзил заточку ей в горло. Потом еще раз, и еще, и еще... Собака громко заскулила. А я встал на колени и продолжал наносить ей один удар за другим. Когда с овчаркой было покончено, я решил бежать. В этот момент я услышал беспомощные всхлипы Королева. Обернулся и увидел, как два огромных кобеля рвут моего товарища на части. Что было делать?

Я машинально перевел взгляд на корчившуюся в конвульсиях «мою» собаку. Это была течковая сука чепрачного окраса с большими набухшими титьками. Красавица, подумал я, и тут же, сплюнув, назвал ее про себя гадиной.

Меня вдруг осенило... Я снял с себя куртку, скомкал ее и провел ею по промежности собаки. Так, помнится, поступали в моем детстве проезжие цыгане. Заманят, бывало, за угол течковую суку, сунут ей в промежность тряпку - и айда в чей-нибудь двор, где сидит на цепи кобель. Тот, учуяв запах, тут же забывает про лай и начинает ластиться к человеку. А в это время другие цыгане уже шарят по двору в поисках поживы.

Вспомнил я про цыганскую хитрость вовремя, потому как псы, покончив с Королевым, тут же бросились на меня. Тут-то я и сунул им в морду измазанный сукровицей рукав куртки. Кобели заскулили и завиляли хвостами. Так они стояли и скулили подле меня до тех пор, пока не подоспели лагерные контролеры. Они избили меня до полусмерти, выбили мне все передние зубы, поломали несколько ребер, а затем, решив, что я окочурился, потащили меня в лагерь. Там меня положили на плацу рядом с тремя трупами других беглецов - смотрите, мол, господа уголовнички, и мотайте себе на ус... Не приведи Господь оказаться вам на их месте. Так что тяните срок свой и не рыпайтесь. Вздумаете бежать - поймаем. И будете вы вот так же лежать на этом плацу и ворон дразнить. Ведь эта птица, как известно, только мертвечиной питается...

Так вот мы и пролежали всю ночь. А утром кто-то из охранников заметил, что я шевелюсь, и сообщил об этом факте начальству. Меня определили в санчасть. До сей поры помню: когда меня туда несли, собаки лаяли на все голоса, будто бы требовали, чтобы меня отдали им на растерзание. За свою подругу решили отомстить, дьяволы. За свою поруганную честь и за боль свою. У них ведь тоже своя честь и боль имеются. Как и у нас, грешных.

А.ВОРОНКОВ.

ПО ВОПРОСАМ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ И РЕКЛАМЫ ЗВОНИТЕ 44-39-70